

Urszula Cierniak

Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie

ПЕТР ЧААДАЕВ И РУССКИЕ КАТОЛИКИ

Pyotr Chaadayev and Russian Catholics

ABSTRACT: In 1860 Ivan Sergeevich Gagarin published in Paris in «Le Correspondant» magazine an article entitled *Catholic Tendencies in the Russian Society* (*Les tendances catholiques dans la société russe*), in which the central place is occupied by Pyotr Yakovlevich Chaadayev and his views on Christianity, Russia and Europe. Gagarin – a Russian prince of noble descent – pointed out many times in his writings how important for his life choices was Chaadayev’s historiosophy and his positive views on Catholicism. Whereas, however, Gagarin converted to Catholicism, the “Philosopher of Basmannaya Street”, despite his positive attitude towards Western Christianity, remained an Eastern Orthodox Christian till the end of his life. Inspired by Chaadayev’s ideas, Gagarin developed his own theory on the future of Russia, which involved conversion to Catholicism and recognizing the supremacy of the Pope. According to Gagarin, only that could save the Empire of the Tsars from an imminent revolution. He wrote about it in his essay *Can Russia Be Catholic?* (*La Russie sera-t-elle catholique?*), published in 1885, which generated a storm of controversy in the Eastern Orthodox world.

During those debates Ivan Sergeevich tries to prove that Catholicism carries that exceptional element which can arouse Russians to action, of which they are incapable if they remain Eastern Orthodox. In the article about Catholic tendencies in the Russian society Pyotr Chaadayev is juxtaposed by Gagarin with Russian Catholics of his times: Pyotr Kozlovsky, Mikhail Lunin and Sofia Svetchina. How close was Chaadayev to Russian Catholics? Did they finally excuse his indecision and remaining Orthodox? These are the questions which we seek to answer in this paper.

KEYWORDS: Pyotr Chaadayev, Ivan Sergeevich Gagarin, Russian society of 19th century, Catholicism, Western and Eastern Christianity

«Я знал и любил Чаадаева. В 1833 г. в Мюнхене знаменитый Шеллинг говорил мне о нем как о человеке наиболее замечательном из всех людей, которых он знал»¹ – так написал около 1861 года о Чаадаеве русский католик – князь Иван Гагарин (1814–1882) в своих набросках к планируемому обширному введению к издаваемым им во Франции сочинениям Чаадаева². Это воспоминание отсылает нас к наиболее напряженному в интеллектуальном и духовном плане периоду жизни Гагарина, который оказался решающим для всей его дальнейшей судьбы. В годы 1834–1842 Гагарин был вхож в кружок людей близких Чаадаеву и находился под сильным влиянием встреч и бесед с ним. Еще совсем молодой, интеллектуально несформированный, увлеченный государственной карьерой Гагарин очень нуждался в учителе и наставнике, с которым мог бы вести беседы, и с помощью которого был бы в состоянии находить ответы на важные для него вопросы. В такой ситуации общение с Чаадаевым оказалось для Гагарина очень важным. В жизни Гагарина заметен интеллектуальный подъем, порожденный идеями Чаадаева, оказывающими все более глубокое влияние на мышление молодого дипломата. Это заметно и в 1850-е, и в 1860-е гг.³

После начала знакомства с «русским Бональдом» в *Дневнике* Гагарина уже под датой 17 августа 1834 года можно обнаружить определённые отголоски его мыслей: «Некая притягательная сила влечет Россию к Европе. Ее юная и все еще недостаточная цивилизация, к которой она принадлежит и к которой она тяготеет, как планета к солнцу. Но в то же время другая сила, которую можно назвать силою расширительной, толкает ее к Азии. [...] нельзя отрицать, что Россия в Азии – это апостол Европейской Цивилизации». Или: «В прошлом веке великий упрек, который делали католичеству, касался духа власти, в нем содержавшегося, и могущества папства. Теперь же именно этот аспект христианства и католичества находят прекрасным, именно на его основании превозносят католичество, именно на него опираются, когда пытаются использовать католичество как орудие управления обществом»⁴. Вопросы эти были для Гагарина очень важны; по крайней мере, приблизительно в то же время схожие мысли он излагает и в переписке с Юрием Самаринным⁵.

¹ Цит за. Л. Ш[ур], *О книге И.С. Гагарина «О примирении русской Церкви с Римскою», «Символ» 1982, № 8, с. 199–200.* Ср. тоже эту цитату у Ричарда Темпеста: Р. Темпест, *На чашке чая у Шеллинга (Записка Ф. Шеллинга И. Гагарину)*, «Символ» 1992, № 27, с. 283–286.

² I. Gagarin, *Œuvres choisies de Pierre Tchaadaef*, publiées pour la première fois par le père Gagarine da la Compagnie de Jésus, Paris–Leipzig 1862.

³ Л. Ш[ур], *О книге И.С. Гагарина...*, с. 200.

⁴ И. Гагарин, *Дневник. Записки о моей жизни. Переписка*, сост. и перевод Р. Темпеста, Москва 1996, с. 150.

⁵ И. Гагарин, *Дневник...*, с. 99–100.

Биограф Гагарина – отец Павел Пирлинг отмечал существенную роль, которую сыграли в жизненном выборе князя Гагарина

„оживленные дискуссии», которые «разворачивались на собраниях происходивших у Петра Чаадаева, человека выдающегося ума и превосходного диалектика. Совсем еще молодой Герцен, впоследствии составивший себе имя в революционной партии, иногда присутствовал на собраниях происходивших у Петра Чаадаева и предугадал, что отсюда выйдут «вольнодумцы и католики»⁶.”

Гагарин оказался среди этих, последних.

Известна точная дата обращения Гагарина в католичество – это 7 (19) апреля 1842 года. Отчаянный поступок князя стал настоящим шоком как для его друзей, так и врагов. Никто не понимал, почему богатый молодой и многообещающий дипломат, перед которым рисовалась блестящая карьера, один из самых желанных женихов того времени, решил отказаться от своей прежней жизни и в возрасте 28 лет решительно поменять веру предков. Еще большее удивление вызвало вступление Гагарина в орден иезуитов, представителей которого в России ненавидели больше всего⁷.

Сведения о причинах перехода Ивана Сергеевича в католичество действительно очень скудны⁸. Даже *Дневник*, который Гагарин вел в течение нескольких лет до своего обращения, не позволяет вскрыть факты, повлиявшие на устроение русского князя. Обычно среди лиц, подозреваемых во влиянии на обращение Гагарина в католичество, указывались чаще всего сами иезуиты, а также Софья Свечина, которая стала католичкой уже в 1815 году. Она переехала во Францию, где держала салон, который посещал ее племянник – молодой Гагарин. Однако оба следа оказались ложными. Выяснилось, что Свечина не только не пыталась воздействовать на религиозные взгляды своего родственника, но напротив старалась удержать его от решения покинуть православие, указывая на многочисленные печальные последствия прецедентов такого рода. Кроме того, как свидетельствует в своем *Дневнике* сам Гагарин, Свечина надеялась найти ему достойную невесту и склонить к женитьбе⁹. Подозрения насчет иезуитов опроверг сам Гагарин около 1864 года, когда в письме Самарину признался: «Вот например – я. Меня не иезуиты обратили» и тут

⁶ П. Пирлинг, *Князь Иван Гагарин и его друзья*, «Символ» 2001, № 44. с. 13.

⁷ W. Śliwowska, *Jezuita ojciec Józef Ksawery – Iwan Gagarin (1814–1882)*, [w:] *W kręgu poprzedników Hercena*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1971, s. 301–337.

⁸ Р. Темпест, *Между Рейном и Сеной*, «Символ» 1994, №32, с. 137–173.

⁹ И. Гагарин, *Дневник...*, с. 158–159.

же назвал лицо действительно причастное к его решению: «Начало положил Петр Яковлевич Чаадаев, на Басманной, в 1835 или в 1836 году [...]»¹⁰.

В Архиве Славянской библиотеки, созданной Гагариным в Париже, сохранились всего лишь два письма Чаадаева Гагарину, датируемых 1840-ым и 1842 годами. Их содержание показывает, что они составляют какую-то небольшую часть в более обширной корреспонденции, которая видимо предшествовала обращению в католичество Гагарина. Письмо 1840-го года посвящено светским делам и общим знакомым. Второе письмо, датированное 1842 годом (это год обращения Гагарина), гораздо интереснее. Оно затрагивает вопрос о связях древнерусских князей с католическим миром¹¹. Много лет спустя, уже во Франции, Гагарин обратится к теме истории русско-католических связей до XIX века в сочинении *Обращение одной дамы в католичество (Conversion d'une dame russe à la foi catholique racontée par elle – même)*¹². Подбор материала, относящегося к периоду Древней Руси, наводит на мысль, что он был подсказан Гагарину Чаадаевым в упомянутом письме. Этот, казалось бы, незначительный след может служить веским доказательством несомненного влияния «Философа с Басманной» на идейную и духовную эволюцию новоявленного иезуита.

О решающей роли философских и историософских взглядов Чаадаева на формирование мировоззрения Гагарина свидетельствует напечатанная в журнале «Корреспондент» (Le Correspondant) статья *Католические тенденции в русском обществе (Les tendances catholiques dans la société russe)*. Несмотря на заголовок статьи, главным ее героем был Чаадаев, а основной темой – взгляды Чаадаева на христианство, Россию и Европу. Примечательно, что в *Католических тенденциях* Гагарин опубликовал французский вариант *Первого философического письма* Чаадаева, датированного 1829 годом, до того времени известного в печатном варианте лишь на русском языке. В статье также содержались некоторые сведения из биографии Чаадаева и указание на то, что чаадаевские сочинения, даже не будучи напечатанными, имели хождение в рукописях и влияли на взгляды современников. Гагарин – в монашестве отец Ксаверий – обратил внимание на своеобразную ситуацию русской литературы первой половины XIX столетия, функционировавшей под сильным контролем российской цензуры, и на присутствие в литературном обиходе рукописного творчества русских авторов:

¹⁰ Письмо отца Гагарина, священника общества Иисусова, Юрию Федоровичу Самарину в ответ на письма, напечатанные в журнале «День», «Символ» 1982, № 7, с. 188.

¹¹ P. Tchaadaev, *Œuvres inédites ou rares*, Paris 1970, s. 83–84.

¹² I. Gagarin, *Conversion d'une dame russe à la foi catholique racontée par elle – même*, Paris 1862, с. 161–179.

Обычно считают, что литература есть выражение мысли народа. Однако из этого принципа имеется немало исключений. Взять, например, Россию – было бы большой ошибкой судить о том, что говорят и думают в этой стране, на основании того, что там издается. Пока российская цензура сохрняет свою суверенность, всякий, желающий судить об этой стране с подлинным знанием дела, должен не только читать то, что там печатается, но и слушать, что говорится. Между этими разговорами (столь бурными!) и книгами (столь сдержанными) нашла себе место рукописная литература – стихи или проза, доверенные бумаге и переходящее из рук в руки, число копий увеличивается тем быстрее и легче, чем произведение короче и содержательней. Нетрудно понять, что в подобных условиях эта область литературы не может широко развиваться.

Дальше Гагарин осведомил французского читателя, что именно эта нигде не опубликованная литература выражает «подлинную мысль нации»¹³. Интересно, что Гагарин, без сомнения хорошо знакомый с идеями и произведениями Жозефа де Местра, ни словом не обмолвился о сходстве с ними мыслей *Философического письма*. А ведь близость построений Чаадаева теориям сардинского графа была замечена очень рано. В письмах Александра Тургенева его брату Николаю, датированных июлем 1831 года читаем:

Был я у П[етра] Я[ковлевича Чаадаева]. Он обнял меня нежно и в первое же свидание отдал мне часть своего сочинения, в роде де Мейстера и Ламенне и очень хорошо написанное по-французски [...]. Не с кем ему отвести душу сердечным разговором о предметах, кои занимают ум, душу и время его, т.е. высшими думами о религии и о Церкви, а система его точь-в-точь графа де Мейстера, модифицированная чтением немецких писателей¹⁴.

Обходя молчанием вопрос отзвуков у Чаадаева идей других мыслителей, Гагарин в очередной раз называет его «мыслителем замечательным» и не сомневается в том, что автор *Философического письма* является ключевой фигурой для русской мысли и для русской истории, фигурой недооцененной и трагической, которой «пример показывает, что климат России не благоприятствует разуму, который претендует на самостоятельное мышление»¹⁵.

¹³ Цит. по: Л. Шур, *И.С. Гагарин – издатель „Философических писем“ П.Я. Чаадаева*, „Символ” 1983, № 9, с. 219–220.

¹⁴ А.И. Тургенев, *Политическая проза*. Письма от 2 и 10 июля 1831 г., [в:] idem, *Политическая проза*, сост., подг. текста, вст. ст. и примеч. А.Л. Осповата, Москва 1989, с. 156, 157; Цит. за: О. Марченко *Григорий Сковорода и Жозеф де Местр (об одном забытом сюжете)*, «Slavica Litteraria» 2008, Ročník 11, číslo 1, с. 13.

¹⁵ И. Гагарин, *Католические тенденции в русском обществе*, „Символ” 1994, nr 32, s. 73–104.

В *Католических тенденциях в русском обществе* Гагарин обращает внимание читателей еще на вопрос об отсутствии в России свободы и благоприятных условий для людей, которые могли бы стать для нее по-настоящему ценными и полезными. Гагарин сопоставляет Чаадаева с русскими католиками того времени: Петром Козловским, Михаилом Луниным и Софией Свечиной. Анализ их судеб приводит отца Ксаверия к грустной констатации:

Обращая взгляд на Лунина, Козловского, Чаадаева, госпожу Свечину, легко представить себе, чем стала бы Россия, если бы она могла свободно говорить, мыслить, верить. Все, что может оказаться горьким и чрезмерным в оценках Козловского и Чаадаева, стало бы беспредметным, и русским католикам было легко любить свою родину и в то же время служить ей – родине, которой принадлежит их преданность, и Церкви, которой принадлежит их вера¹⁶.

Такой сравнительный подход к Чаадаеву, русским католикам и идеям католицизма появляется в литературе впервые именно у Гагарина. В своей статье он предлагает читателю обширные отрывки сочинений Маркиза де Кюстин *Россия в 1839 году*, в которых тот пересказывает мысли Петра Козловского о России.

Петр Козловский (1783–1840), так же как и Иван Гагарин, был князем. Происходил он из древнего аристократического рода. С 1801 года Козловский служил в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Этот гражданин мира жил не только в Москве и Петербурге, но еще и в Турине, Риме и Великобритании, где удостоился звания почетного доктора гражданского права в Оксфорде (1813). Козловскому пришлось исполнять разные ответственные функции: он был чрезвычайным полномочным посланником при Сардинском дворе, а в 1814–1815 годах его включили в состав делегации России на Венском конгрессе. Еще до 1815 года Козловский стал тайным католиком. Существует мнение, что его переход в католичество произошел под влиянием Шатобриана и Ламенне. Судя по периодам пребывания Козловского в России, он мог встречаться и с Жозефом де Местром и с Чаадаевым. Точно известно, что Козловский приезжал в Россию и был знаком с братьями Александром и Андреем Тургеневыми, а также с Александром Пушкиным – людьми чаадаевского круга. Он был также в России в момент, когда в „Телескопе” появилось *Первое Философическое письмо* Чаадаева. Свои теории на тему России Козловский излагал маркизу де Кюстину, которого встретил в июне 1839 года, во время путешествия из Любека в Кронштадт на пароходе „Нико-

¹⁶ Там же, с. 103–104.

лай I»¹⁷. Гагарин отметил сходство взглядов Козловского с мыслями Чаадаева. Они особенно видны в тех фрагментах, где говорится о свойствах русской нации и об отношении России к Западу:

При каждом Вашем шаге в этом азиатском народе подумайте о том, что рыцарского и католического влияния русским не хватало [...]. Русские не были сформированы блестящей школой добросовестности, которой рыцарская Европа сумела воспользоваться так хорошо [...]. Когда Европа дышала от усилий, которые она приложила на протяжении столетий, чтобы вырвать Гроб Иисуса Христа из рук неверных, русские платили дань магометанам при Узбеке и продолжали, по их прежней привычке, получать от греческой империи свое искусство, нравы, науку, религию, политику с ее традициями лукавства и обмана и ее неприятием латинского крестного знамени¹⁸.

Интересно, что Гагарин не дает подробного описания взглядов на Россию и католичество ни Софьи Свечиной ни Михаила Лунина. Это можно объяснить тем, что в момент, когда печаталась статья *Католические тенденции в русском обществе* у Гагарина не было возможности ознакомиться с документами, относящимися к обоим лицам. Такая возможность появилась лишь тогда, когда Альфред де Фаллу опубликовал дневники и записки Свечиной, которые пролили свет на близкие ей идеи и авторитеты¹⁹.

Софья Свечина (1782–1857), урожденная Соймонова, была ровесницей Петра Козловского. В молодости стала фрейлиной императрицы Марии Фёдоровны. Отец выдал ее замуж за генерала Свечина, однако брак оказался бездетным. Хорошо образованная, знавшая много иностранных языков, Свечина увлекалась религиозными диспутами и проявляла интерес к мистике. Католичкой стала в 1810 году под влиянием других женщин из окружения царицы, шевалье Д'Огара и взглядов Жозефа Де Местра. В 1815 году она эмигрировала в Париж, где ее салон стал центром интеллектуальной жизни русских и французских католиков. Бывали у нее А. Де Токвиль, Доносо Кортес, Луи Габриэль де Бональд, Р. Шатобриан, Ю. Ламенне, граф Альфред де Фаллу, позже автор ее биографии и издатель ее сочинений²⁰. Важной частью дома Свечиной была домашняя часовня. Известно, что именно там молились и чита-

¹⁷ А. Юдин, *Козловский Пётр Борисович*, [в:] *Католическая энциклопедия*, ред. Г. Цёрох OFMConv и др., т. 2. И–Л, Москва 2004, к. 1144–1145.

¹⁸ И. Гагарин, *Католические тенденции в русском обществе*, „Символ” 1994, nr 32, с. 98, 99.

¹⁹ A. Falloux, *Madame Swetchine sa vie et ses oeuvres*, vol. I–II, Paris 1875; Idem, *Madame Swetchine. Journal de sa conversion, médiations et prières*, Paris 1866.

²⁰ О.Р. Колупаев, А. Юдин, *Свечина Софья Петровна*, [в:] *Католическая энциклопедия*, ред. В.Л. Задворный, Москва 2011, т. IV. Р–Ф, к. 568.

ли свои проповеди отцы Ксавье де Равиньян, Жан Баптист Лакордер, Феликс Дюпанлу. В доме Свечиной появлялось много русских, путешествующих по Европе по разным делам. Известно, что в 1823–1826 годах по Западной Европе путешествовал Чаадаев. Тогда он провел семь месяцев в Париже²¹. С большой долей уверенности можно сказать, что Чаадаев бывал у Свечиной, и скорее всего она помогла ему встретиться с католическими интеллектуалами как либерального, так и ультрамонтанского направления. Еще в Петербурге Чаадаев имел возможность лично встречаться с Жозефом де Местром²². Вполне вероятно, что в салоне Свечиной Чаадаев общался с Ламенне, который потом весьма похвально отзывался о русском мыслителе²³, и Де Бональдом, взгляды которого настолько сильно повлияли на Петра Яковлевича, что современники называли его «русским Бональдом». Польский исследователь и знаток наследия Петра Чаадаева Анджей Валицкий предполагает, что, возможно, именно атмосфера салона Свечиной повлияла на прокатолические взгляды Чаадаева²⁴. Несомненно, посетители салона взаимно интеллектуально обогащались, естественным следствием чего могла быть близость высказываемых ими идей. Итак, у Свечиной в *Дневнике ее обращения (Journal de sa conversion)* находим мысли, похожие на чаадаевскую постановку вопроса о решающей положительной роли католичества в Европе:

Какой счастливый католик! Земля его предков в вере везде вокруг. Он не смог бы поставить стопу ни в каком месте цивилизованного мира, чтобы не упасть на фундаменты солидные и глубокие, на твердый камень и цемент, на всю крепость римских конструкций. Только римский католицизм дал людям прошлое в истории, неистребимый центр, о который разобьется любая ошибка²⁵.

В последнем предложении чувствуется явный намек на институцию папства как средоточия западного христианства. Следует подчеркнуть, что Свечина в разных местах своих дневниковых размышлений выражала восторженное отношение к авторитету и силе папства.

В *Размышлениях (Méditations)* она констатировала: «Католическая религия обеспечивает все нужды духа, так нужду веры, как и жажду мышления».

²¹ Д. Шаховской, *П.Я. Чаадаев на пути в Россию в 1826 году*, „Литературное наследство”, Москва 1935, т. 19–21, с. 25.

²² Анджей Валицкий вслед за Шарлом Кенетом (Ch. Quénet, *Tchaadaev et les Lettres Philosophiques*, Paris 1931) высказывает мнение о том, что оба мыслителя встретились в Петербурге в 1816 или 1817 году. Ср. А. Walicki, *Rosja, katolicyzm i sprawa polska*, Warszawa 2001, s. 38–39.

²³ Н. Мещеряков, *Чаадаев Петр Яковлевич*, <http://enc.biblioclub.ru/termin/1644373/> (19.12.2016).

²⁴ А. Walicki, *Rosja, katolicyzm...*, s. 35.

²⁵ А. Falloux, *Madame Swetchine. Journal de sa conversion, médiations et prières...*, с. 308.

Она была при этом убеждена в превосходстве активной, жертвенной позиции католика над пассивностью, как ей казалось, православных: «Католик отдает себя больше, чем ищет самого себя: у алтаря, в контактах с другими, в семье. Его единственная задача – любить!»²⁶.

Чьи мысли были первыми – Свечиной или Чаадаева? Кто из них раньше последовал за де Местром и обогатил его мысли? Может оказаться, что за такими взглядами стоит не де Местр а отец Жан Розавен, французский иезуит, в начале XIX века спасавшийся в России от жестокостей французской революции и гонений на членов его ордена, автор сочинения *О соединении Русской церкви с Римской церковью (De la réunion de l'Eglise russe avec l'Eglise catholique)*²⁷. Во вступительной статье к одному из изданий этого текста находим интересные замечания по поводу России еще одного посетителя салона Свечиной – Феликса Дюпанлу, который спрашивал:

Есть ли Россия тем, чем она должна быть? Реализует ли она цели, которые должны быть ее целями? Не ужасается ли она своим будущим? С религией, которая своим рангом сведена к [уровню] жалкой государственной институции и дела полиции, с подчиненными духовными лицами, лишенными чести, с тайнами веры, которые плохо преподаваемы не оставляют ни следа в душе, с таинствами, которые погибают без добродетели [...]?²⁸

Может подобного рода высказывание это еще один отголосок бесед в салоне Свечиной, которые могли вдохновить Чаадаева, или наоборот – это мысль Чаадаева оказалась вдохновляющей для других. Эти вопросы требуют более детального изучения литературного наследия и корреспонденции Свечиной и людей из ее окружения, в том числе Розавена, Дюпанлу, де Местра и многих других.

Также Иван Гагарин в ходе полемики вокруг его сочинения *Может ли Россия стать католической? (La Russie sera-t-elle catholique?)*, опубликованного в 1855 году, пытался доказать, что католицизм – это носитель того исключительного начала, которое способно активизировать русских и подтолкнуть их на подвиги, на которые они не были бы способны, оставаясь православными²⁹. И во всем этом можно услышать отголоски чаадаевской философии. Гагарин

²⁶ Там же, с. 249.

²⁷ J.B. Rozaven, *De la réunion de l'Eglise russe avec l'Eglise catholique*, nouv. éd. précédée d'une lettre de monseigneur Felix Dupanloup, Paris 1864.

²⁸ J.B. Rozaven, *De la réunion...*, с. XVIII–XIX.

²⁹ I. Gagarin, *La Russie sera-t-elle catholique*, Paris 1855. Ср. анализ этого текста у Адама Безвиньского: I Gagarin, *O pojednaniu Kościoła Rosyjskiego z Rzymskim; Nasz cel, przeł. i wstępem opatrzył: A. Bezwiński*, Toruń 1995.

и Чаадаев расходились, несомненно, в одном – Гагарин был убежден, что если Россия не станет католической, ее непременно ждет революция. Чаадаев же не допускал возможности революционного взрыва в России:

Вы, может быть, подумаете, что нам угрожает революция по образу революций Западной Европы – успокойтесь; мы благодаря Бога, далеки от этого. Западный мир и мы, мы отправились от слишком разных точек, для того, чтобы когда-нибудь достигнуть тождественных результатов. К тому же в русском народе есть что-то существенно неподвижное, существенно невозмутимое – это его равнодушие к тому роду власти, которая им правит³⁰.

«Философ с Басманной», несмотря на положительное отношение к Западному христианству, до конца жизни оставался православным. Некоторые считали, что увлечение Чаадаева католичеством – это результат обстановки эпохи романтизма:

Что же привело пожизненно оставшегося в православии Чаадаева к его католической философии? Думается, что мотивы крайне сложны и очень разнообразны. Прежде всего нужно, конечно, отметить, что упор чаадаевской философии в католицизм глубоко характерен для той эпохи, в которую развивалось все его учение. Статьи Новалиса (*Europa*), грезы Вакенродера, последний период Фридриха Шлегеля (*Philosophie des Lebens*), переход этого вождя романтизма в католицизм – все это явления того же порядка. Причины, толкавшие философию романтизма в лоно католической церкви, вполне понятны³¹.

Ученик и поклонник Чаадаева Гагарин пошел значительно дальше своего учителя. Он не только покинул веру предков, но вдобавок поверил в то, что возможно обращение и всей России в католичество, что единство западного и православного миров возможно, но лишь под управлением единого пастыря – римского папы – главы Вселенской Церкви.

В 60-е годы русский князь-иезуит взял на себя задачу опубликовать на Западе литературное наследие Чаадаева. Оно было передано ему племянником Петра Яковлевича – Михаилом Жихаревым. Жихарев поставил Гагарину только одно

³⁰ П.Я. Чаадаев, *Фрагменты и разрозненные мысли 1828–1830 гг. [и других неизвестных годов]*, «Символ» 1986, № 15, с. 227.

³¹ Ф. Степун, *П.Я. Чаадаев*, [в:] П.Я. Чаадаев. *Pro et contra. Личность и творчество Чаадаева в оценке русских мыслителей и исследователей*, Санкт – Петербург 1998, с. 694; Ср. также: A. Bezwiński, *Prawosławie czy katolicyzm. Próba odpowiedzi Piotra Czaadajewa i Iwana Kieriejewskiego*, „Zeszyty Naukowe WSP w Bydgoszczy”, *Studia Filologiczne, Filologia Rosyjska*, nr 18 (7), Bydgoszcz 1983, s. 37.

условие – ничего в текстах не менять. Сам написал статью про Чаадаева, которая была опубликована много лет спустя, в 1871 году, в «Вестнике Европы». Издание Гагарина вышло под заглавием *Избранные сочинения Петра Чаадаева, впервые опубликованные отцом Гагариным из Общества Иисуса (Œuvres choisies de Pierre Tchaadaef, publiées pour la première fois par le père Gagarine de la Compagnie de Jésus)* и содержало предисловие издателя, четыре письма о философии и истории, *Апологию сумасшедшего*, записку графу Бенкендорфу и несколько частных писем. Гагарин спутал номера писем, считая письмо VII и VIII вторым и третьим. Такая ошибка, однако, не умалила ценности предпринятого Гагариным издания. Французскоязычные читатели восприняли *Первое философическое письмо* одобрительно, считая его доказательством близости Чаадаева католичеству. В изданной во Франции в 1885 году *Большой энциклопедии [...] науки, литературы и искусств* под редакцией Бертелло первое *Философическое письмо* было названо «филокатолическим»³².

В таком успехе творчества Петра Яковлевича Гагарин не сомневался. После выхода сочинений Чаадаева в свет, в письме от 21 февраля 1863 года, направленном из Сирии племяннику Чаадаева Михаилу Жихареву, Гагарин написал:

Что бы ни говорили, а он, конечно, признан будет всеми, со временем, передовым человеком, одним из самых замечательных людей и мыслителей России, и я всегда буду почитать для меня честью и счастьем, что имел возможность сохранить потомству столь примечательные страницы³³.

Однако, несмотря на уважительное отношение к интеллекту и творческому наследию Чаадаева, Гагарин никогда не мог смириться с тем, что его наставник на пути к католичеству сам католиком все же не стал. После смерти Чаадаева в письмах А. Бахметевой Гагарин дал автору *Философического письма* печальную характеристику:

Я весьма высоко ставлю Чаадаева как ум, к несчастью, он не был совершенным человеком, и его характер не достигал уровня его ума. Представьте себе, что Чаадаев был бы верен себе: это был бы исповедник веры, почти мученик, но он склонился перед грозой. [...] он покинул свой пост, он изменил своему знамени³⁴.

³² *La grande encyclopédie : inventaire raisonné des sciences, des lettres et des arts. Tome 28 / par une société de savants et de gens de lettres; sous la dir. de MM. Berthelot, ... Hartwig Derenbourg, ... F.-Camille Dreyfus, ... A. Giry, ... [et al.] – 1885–1902, с. 1220.*

³³ Цит. за: Л. Шур, *И.С. Гагарин – издатель „Философических писем“ П.Я. Чаадаева*, „Символ” 1983, № 9, с. 232.

³⁴ П. Пирлинг, *Князь Иван Гагарин...*, с. 97.

Чаадаев был убежден, что если пришлось бы ему выбирать между любовью к Истине и любовью к Родине, он выбрал бы Истину. Таким же путем пошли русские, ставшие католиками. В большинстве им пришлось жить вдали от Родины, испытывая на себе бремя отчуждения, а порой и ненависти российских собратьев за их «измену». Очень трогательно описала это состояние Софья Свечина, говоря в своем *Дневнике*, что русские католики готовы смириться с их отрицанием правительством, с преследованиями за веру и пренебрежением со стороны людей науки, но труднее и страшнее всего видеть им порванными узы братства и чувствовать себя изгнанниками из своей Отчизны. В ее словах была боль переживаний человека, вынужденного «все уничтожить и изменить», «начиная все заново, случайно»³⁵.

По словам Герцена, Чаадаев «сказал России, что прошлое ее было бесполезно, настоящее тщетно, а будущего никакого у нее нет»³⁶. По крайней мере, так почти все его тогда поняли. Именно «почти все», так как пессимизма Герцена не разделили русские католики, поверившие в то, что спасением для них самих и для России может быть католицизм. Их выбор католического вероисповедания был не только религиозным, но и цивилизационным. Несмотря на тяжелые его последствия, он придавал смысл их настоящему и открывал перед ними будущее.

³⁵ Шире об этом пишу в статье: U. Cierniak, *Kobiety i rosyjski katolicyzm początku XIX wieku*, [w:] *Między tradycją a nowoczesnością. Tożsamość kobiety w przestrzeni domu, w historii, kulturze i na drogach emancypacji*, red. W. Laszczak, D. Ambroziak, B. Pudełko, K. Wysoczańska-Pająk, Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, Opole 2014, s. 461–474.

³⁶ А. Лебедев, *Чаадаев*, Москва 1965, <http://lib.ru/MEMUARY/.../ZHZZL/chaadaev.txt> (18.12.2016).